

Kolejka, Josef

[Буржуазные славянские программы и отношение рабочего движения к идее славянской взаимности начиная с 70 гг. 19 в. и кончая 1918 г.]

In: Kolejka, Josef. *Славянские программы и идея славянской солидарности в XIX и XX веках*. Vyd. 1. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1964, pp. 73-108

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/119621>

Access Date: 29. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

II

Вторая половина 19-ого в. принесла, несомненно, улучшение общему культурно-политическому положению славянских народов. Сербия, Черногория и наконец Болгария достигли государственной самостоятельности, однако далеко не соответствующей границам этнографической территории. Одновременно с нарастанием экономической силы отдельных славянских народов (буржуазии) нарастают между ними и конфликты из-за границы и внешнеполитических претензий.

Здесь нельзя описать и объяснить трудной проблематики русско-польских отношений, осложненных спорами украинско-польскими и русско-украинскими; очень запутанным оказался „южнославянский вопрос“, который отличался своими собственными аспектами — „австрийскими“ или „венгерскими“ и также, конечно, „турецкими“, „сербскими“, „словенскими“, „болгарскими“ — не говоря уже о наболевших проблемах „Боснии и Герцеговины“, „Далмации“, „Новопазара“, „Черногории“ и, в особенности, „Македонии“. Еще 1878-ом г. между Сербией и Болгарией появился некоторый разлад из-за Румелии, который в последующем привел даже к войне в 1885-ом г. (развязала ее Сербия).

В конце 19-ого в. обострились также чешско-польские споры, главные причины которых зародились уже с половины 19-ого в.: дело в основном касалось отношения к Австрии (тактики в венском парламенте), Тешинска и русофильства. Уже с 70-ых гг. в Чехии дискутируют о чешско-польских отношениях. Брненский журнал „Obřan“ писал в 1875-ом г.: „Несколько лет уже из-за недоверия мы мучимся и уничтожаемся, Чех ругает поляка и поляк сторонится чеха“.¹ Чешская журналистика упрекала тогда поляков в участии в рейхстаге (чешские депутаты приняли участие в рейхстаге только в 1879-ом г.), поляки в свою очередь упрекали чешских служащих в Галиции в австрийском поведении, им не нравилось чешское русофильство и они протестовали против „чехизации“ Тешинской Силезии. Небольшие инциденты между чехами и поляками в Силезии во второй половине 19-ого века переросли в начале 20-ого в. в упорную борьбу за Тешинско. Выражением чешского национализма в Тешинской Силезии считается также известное стихотворение Безруча: „Семьдесят тысяч нас (чехов) под Те-

шином... сто тысяч германизировали, сто тысяч полонизировали...". Польский журнал „Głos Ludu Śląskiego“ в августе 1905-ого г. провозглашал: „Хотя сейчас мы и имеем с чехами много общих свойств как народ, но здесь на границе (Тешинско — Й. К.) между нами идет смертный бой и нельзя его не видеть“.²

Наболевшей проблемой в межславянских отношениях был также „украинский вопрос“. В то время как подъем украинской литературной жизни в России был после 1876-ого г. прекращен, австрийское правительство в Галиции поддерживало украинское школьное дело, создавая таким образом в восточной Галиции своего рода два „Пьемонта“ (украинский и польский) против России. Некоторые украинские националисты на обоих берегах Збруча (граница между Австрией и Россией) разочаровавшиеся в результате или русификации или полонизации, искали путь — в Берлин!

Но и случаи споров между славянскими народами не могли подавить существующих славянофильских настроений. На Балканском полуострове их распространяли или круги традиционно русофильские (Болгария) или радикально оппозиционные (Сербия) или оппозиционные (австрийские словенцы, венгерские хорваты). Люблянский журнал „Slovenski narod“ несомненно выразил настроения многочисленных южных славян, написав в 1888-ом г. в статье о международном положении („болгарский вопрос“ обуславливал нарастание напряженностей между Россией и Австрией): „Если сегодня пасть России, завтра не будет ни словенцев, ни хорватов. ни чехов“.³ Поэт Антон Ашкерек воспевал в своих стихотворениях „дружбу славян“ и видел в русском народе „оплот“ их свободы. Также хорваты и сербы и, конечно, черногорцы продолжали в конце 19-ого и в начале 20-ого вв. развивать в культурной жизни идею славянской взаимности, соединяя ее часто с признанием и восхищением русской культурой и русским народом.⁴ Между сербами и болгарами, что касается политических отношений, и в 80-ых и 90-ых гг. не исчезла идея единства южных славян, хотя между правителями, стремившимися, каждый в отдельности снискать расположение Австро-Венгерского правительства, существовали напряженные отношения.

Также в Чехии и частично среди поляков в 80-ых и 90-ых гг. встречались проявления полонофильства или чехофильства. В Чехии пропагандировал симпатии Польше „Slovanský sborník“ (1871—1887) Эм. Елинека и затем только с 1898-ого г. „Slovanský přehled“, Адольфа Черного. Оба они — Елинек, Черный — отстаивали права польского народа в России и выступали в 1891-ом г., во время дискуссий о русско-польском споре⁵ против Карла Крамаржа, сторонника русского царизма. В культурных чешско-польских отношениях продолжали существовать довольно хорошие взаимные связи среди работников театра, писателей и др.

В последние 20 лет 19-ого в. славянская идея в Чехии имела преимущественно характер интереса к отдельным славянским народам, причем полонофильство было, наряду с официальным русофильством (представляемым в 70-ых и 80-ых гг. Сладковским и Вашатым, с середины 90-ых гг. Карлом Крамаржем) одной из главных составных частей чешского понимания славянской идеи. Официально в чешской политике 80-ых гг. отказывались от поддержки и распространения славянофильских настроений.

В 80-ых и 90-ых гг. часть младочехов попыталась развернуть кампанию за „кирилло-мефодиевскую славянскую идею“, которая появилась в клирических кругах отдельных славянских народов в связи с тысячелетием прибытия братьев Кирилла и Мефодия в Моравию. Политически использовали эту тысячелетнюю годовщину (в 1863-ьем и позже в 1869-ом и 1885-ом гг. — даты тысячелетней кончины Кирилла и Мефодия) русские славянофилы, которые, помимо прочего, упрекали чехов в том, что они забыли о „православном“ учении фесаллонийцев, и советовали им бороться именно „кирилло-мефодиевской идеей“ против германизма. И, бесспорно, именно из-за этой агитации, а также потому, что славянские народы габсбургской монархии напоминали связи с празднованием тысячелетия прибытия посольства в Моравию о своем давнем „единстве“, австровенгерские власти (60-ые—80-ые гг.) считали, следовательно, поддержку кирилло-мефодиевской традиции и идеи „панславизма“, антигосударственной деятельностью.

В Чехии, однако, католическая церковь не позволила проводить такое „злоупотребление“ и позаботилась о том, чтобы эти религиозные праздники в Велеграде (1863-ий, 1869-ый и 1885-ый гг.) приняли характер религиозной процессии. Более выраженным национальным и одновременно и „более славянским“ характером отличалось празднование кирилло-мефодиевского тысячелетия у словаков, в чем выражалось их отношение к мадьяризации (против). В Словакии также часть священников видела в кирилло-мефодиевской традиции одновременно традицию великоморавскую — „словацкую“ —, как это мы узнаем из журнала „Cyril a Method“ (редактор Ян Паларик). Ондржей Радлинский писал в приведенном журнале в 1863-ьем г.: „Омолодить Европу — это роль славян!“⁶

Большой отклик вызвало празднование тысячелетия прибытия Кирилла и Мефодия у хорватов и словенцев. В словенском журнале „Naprej“ (1863) было опубликовано предложение использовать тысячелетие как импульс для создания единого литературного языка, а именно, чтобы словенский слился с хорватским и сербским языками. К этому уже раньше стремился хорватский епископ Йосиф Юрай Штросмайер, который хотел в 1860-ом г. основать славянскую академию, целью которой была бы подготовка объединения четырех „южнославянских племен“. „Южнославянская академия наук и ис-

кусств“ была затем в 1867-ом г. все-таки основана. Однако и „новоиллирийское движение“ не смогло достичь цели — объединения южных славян. Хорваты, сербы и словенцы думали прежде всего о собственном объединении. Штросмайер и в дальнейшем не отказывался от своей цели: добиться объединения православной церкви с Римом.⁷

Совсем другой характер приняла кирилло-мефодиевская идея в Болгарии. Болгары стали в 50-ых гг. отмечать праздник в честь „славянских братьев — фессалонийцев“ (православная церковь отмечала этот праздник 24-ого мая) как праздник просвещения болгарского народа. Этот культурно-просветительный и патриотический характер кирилло-мефодиевского праздника продолжал существовать еще в 70-ых гг., когда православные болгары достигли церковной независимости от царградского грецифицирующего патриархата. Также в последующие годы проходило 24-ое мая в Болгарии в духе патриотических и славянских лозунгов. Вспоминали об общем славянском просвещении, призывали к славянской солидарности и пели „славянский гимн“.

В конце 60-ых гг. и в 1870-ом г. в Чехии можно было наблюдать некоторые проявления симпатий православию. В Праге купили даже православную церковь и несколько чехов перешли в православную веру, обосновывая, между прочим, свое решение кирилло-мефодиевской идеей. Младочешская газета довольно широко разрекламировала это событие, хотя дело касалось лишь небольшого числа лиц. Эта пропаганда православия была, очевидно, задумана как составная часть русофильских демонстраций против Вены, которой чехи хотели таким образом показать (во время переговоров чешской буржуазии с двором и с правительством о примирении), что чешский вопрос является одновременно „вопросом славянским“, что чехам есть к кому обратиться — это значит к России!

Главная „эра“ этой „православной“ или русофильской кирилломефодиевской идеи наступила только в 80-ых и 90-ых гг. Во второй половине 70-ых годов чешские русофилы увлекались другими, более заманчивыми, мотивами: выступление России на стороне балканских народов, воюющих за свое равноправие и самостоятельность с Турцией. Вновь вспоминали в статьях, посвященных восстанию южных славян о „славянских учителях“ (Кирилл и Мефодий).

Также клерикалы 70-ых гг. вспоминали по случаю церковного праздника о Кирилле и Мефодии, но в чисто религиозном духе. Если бы моравские католики действительно хотели пропагандировать кирилло-мефодиевскую идею со славянскими мотивами или целями, они могли бы это сделать по случаю разных народных выступлений в период 1875-ого—1878-ого гг. и в пользу народно-освободительного движения южных славян. Клерикалы не хотели, однако, иметь ничего общего с митингами, пропагандированными

в 1876-ом—1877-ом гг., на которых чешский народ выступал бы за свободу сербов и болгар. Они (клерикалы) не хотели иметь ничего общего с митингами, на которые, например, моравский журнал „Našinec“ звал следующими словами: „Это близкие нам по крови и наш народ благодарен им особой благодарностью, ибо они дали нам первых учителей в вере Христовой, Кирилла и Мефодия“.

Возмущение в славянском мире, вызванное словами римского папы о „шизматической России“ (1877) (католическая печать от этих слов отказалась) и в особенности впоследствии непрерывные униатские стремления епископа Штросмайера и его сторонников обусловили (1880) изменение точки зрения Ватикана по отношению к униатству и славянским народам вообще. В энциклике „Grande Munus“ от 30-ого сентября 1880-ого г. обращался папа Лев XIII к католическому миру с приказом отмечать праздник в честь Кирилла и Мефодия всегда 5-ого июля. Папа здесь одновременно напоминал о заслугах фессалонийских братьев в деле распространения христианства среди славян и доказывал, что папы всегда (!) заботились о славянских странах и т. д.

К энциклике славянские католики отнеслись очень благосклонно. В 1881-ом г. затем собрались в Риме многие славянские паломники, чтобы поблагодарить за это. Иржи Слота тогда при участии всего кардинальского корпуса доказывал Льву XIII, что славяне остались верными своей „мировой миссии“ и что „они возродят своим духом, религиозной верой, моральной силой, благородным характером еретическую Европу и все человечество“.⁸ Папа сказал тогда, говорят, епискому Штросмайеру, что „волей божьей“ выпадают на долю славян в настоящее время „особенно важные задачи“. Дело касалось униатских целей, объединения православных славян с Римом. Культ Кирилла и Мефодия приобрел вследствие энциклики Льва XIII новые движущие силы.

Также православная церковь (русская и сербская) пользовалась и в дальнейшем кирилло-мефодиевской идеей с целью пропаганды единства с западными славянами на основе восточного ритуала. Торжественно происходила тысячетлетняя годовщина со дня кончины Мефодия в апреле 1885-ого года. В Петрограде (и других русских городах) при участии чешских, болгарских, черногорских и западноукраинских гостей.

При распространении кирилло-мефодиевской идеи некоторыми пражскими политическими деятелями в 80-ых гг. она приняла курьезный характер, так как хотя они и упрекали Велеград в проведении торжеств (1885) со слишком явной церковно (католически) религиозной направленностью, но сами одновременно поддались противоположной крайности: стали пропагандировать кирилло-мефодиевскую идею в духе явного православия.

Представители чешского (пражского) критицизма, т. е. младочехи, хотя

и: вполне правильно отрицательно относились (Голечек, Неруда) к прислужничеству моравского клерикального понимания кирилло-мефодиевской идеи и правильно подчеркивали народно славянские элементы в творчестве фессалонийских братьев и традицию их культурной деятельности, но сами более или менее находились под влиянием своего умершего учителя и вождя, Карла Сладковского, который в 1877-ом г. перешел в православную веру.

Также некоторые старочехи, Ригер и в особенности **Фр. Скрейшовский**, высказывали в 80-ых гг. свои симпатии кирилло-мефодиевской идее, которая понималась ими как способ внедрения славянских обрядов в католическую церковь. Скрейшовский потом в своем журнале „Východ“ (с 1886-ого года) пропагандировал кирилло-мефодиевскую идею в качестве противовеса не только по отношению к немцам, а также и по отношению к религиозной безразличности. **Й. Скрейшовский** (издатель старочешской газеты „Politik“ и потом „Parlamentär“ шел еще далее — он понял кирилло-мефодиевскую идею до того радикально, что утверждал: „Хороший католик не может быть хорошим славянином“, и советовал всем перейти в православную веру. Большинство старочехов однако отказалось от этих воззрений (Каллусек, Браф и Ригер).

„Славянской“ направленностью при распространении кирилломефодиевской идеи хотели воспользоваться „Národní listy“ в своей политической программе. **Юлиус Грегр** предлагал в 1887-ом г. в клубе младочешской партии: „Одним из основных пунктов программы, которая отстаивается нами, должно быть установление церковных славянских служб.“ „Славянские церковные службы“ должны были по Грегру „обеспечить существование народа“. Согласие папы с этим требованием сгладило бы „пропасть“ между нашими народами и римскими (католическими) священниками. — Другие младочехи видели, однако, кирилло-мефодиевскую идею только в православии, которое представляли себе в качестве чисто славянской (или русской) церкви.

Такую „кирилло-мефодиевскую идею“ осуществляли „Národní listy“; они, иногда не принимая в расчет депутатский клуб младочешской партии, доказывали, что осуществлением ее (т. е. внедрением славянских церковных служб) „вернется наш народ к славянской идее“. Еще в 1894-ом г. предлагали „Národní listy“ младочешским депутатам заниматься кирилло-мефодиевским вопросом в программе партии. Большинство депутатов отказалось, на что угерско-градиштский журнал „Moravská Slovač“ возмущенно реагировал: Ватикан работает над объединением всего славянства под знаменем кирилло-мефодиевской идеи: одним из требований являются церковные службы на староморавском языке. Готовятся огромные события на славянском востоке и юге, только славянский запад — чешский народ — молчит!

„Moravská Slovač“ поэтому призывала чехов осуществлять кирилло-мефодиевскую идею: „Нажмем на этот рычаг, чтобы обеспечить национальное бытие и добиться посредством моральной силы чешского государства. Ведь немец — Берлин и Вена — ничего так не боится, как кирилло-мефодиевской идеи...“⁹

Мы приводим эту цитату в качестве доказательства наивности чешской „свободомыслящей“ печати. Несомненно мало кто в чешских землях обратил бы внимание на региональную „Моравскую Словач“ если бы приведенная статья не была перепечатана в „Народних листах“. Последние потом в реплике с журналом „Radikální listy“ (высказывавшимся, что клерикалы с славянскими церковными службами не будут лучше клерикалов с католическими) доказывали, что „национальная церковная организация“ с славянскими церковными службами укрепила бы чешский народ, что необходимо, так как вплоть до сих пор католические учреждения поддерживают германизацию чешского народа.

Таким образом еще в 90-ых гг. продолжал в чешской буржуазной публицистике существовать аукцион с „кирилло-мефодиевской идеей“. Кирилло-мефодиевскую идею стала осуществлять в Моравии так называемая Католическая модерна во главе с прославленным простейовским приходским священником Досталом-Лютиновым и продолжала группа исследователей и публицистов или вокруг журнала „Velehradský sborník“ или вокруг нового общества „Апостолат св. Кирилла и Мефодия под защитой Богородицы“ (с униатскими стремлениями).

„Кирилло-мефодиевское понимание славянской идеи“ служило для части младочехов своего рода игрушкой. В громадном большинстве старочехи стояли в стороне. От лица старочехов и младочехов Ригер и Грегр отказались затем в своих выступлениях в рейхстаге (декабрь 1888-ого г.) от панславистских предложений Ламанского, целью которых было внедрение русского языка и православия среди всех славянских народов. Одновременно, однако, должны были чешские политические деятели реагировать на возрастающий немецкий шовинизм, усиленный опубликованием австро-немецкого союзного договора от 1878-ого г. (сообщение об этом только от февраля 1888-ого г.). Чешский национальный радикализм в начале 90-ых годов распространяли прежде всего студенты; сторонники радикализма поднимали знамя славянской взаимности. Польские и чешские студенты организовали „славянский съезд“ в Кракове в 1890-ом г. и год спустя они же организовали в Праге другой съезд славянских студентов. Течение съезда очень раздражило австрийскую полицию. „Прогрессисты“ или „омладинцы“, как их называют в Чехии по традиции, исходили из прежних лозунгов Коллара, видя их смысл одновременно в антиавстрийском духе. А. Гайн занимался идеей федерации автономных славянских народов.¹⁰

Традиция идеи славянской взаимности и ее лозунгов была в чешской политической жизни столь сильна, что и реалистический журнал „Čas“ ставил перед собой цель: национальное и славянское чувство в чем бы то ни было, однако без всякого панрусизма, — скорее панславизм в духе Пыпина (значит культурная славянская взаимность). Сам редактор этого журнала, профессор Масарик, считал однако, что чешская политика будет успешной только в том случае, если она будет опираться на настоящий интерес к судьбе Австрии.

Авторы более поздних работ об истории славянской идеи в Чехии называли понимание Масариком славянского вопроса „критическим пониманием славянской идеи“ и хвалили его „научность“. Масарик действительно критиковал в журнале „Naše doba“, например, кирилло-мефодиевское понимание славянской идеи клерикалами и младочехами и отрицательно относился к русскому политическому славянофильству и „заграничному романтизму“ Крамаржа и др., которые полагались на царскую Россию. Несколько раз он с симпатией упомянул о Белинском и Герцене, но его анализ русского славянофильства и русской политической жизни в 80-ых—90-ых гг. не был демократически последовательным. „Čas“ симпатизировал только некоторым реформистским явлениям в идейной жизни русской интеллигенции, не замечая последовательно революционных течений в жизни русского народа или же информируя о них необъективно.¹¹

Несомненно из реализма исходили некоторые увлеченные славянофилы, которые несмотря на свое отрицательное отношение к официальному русофильству (царофильству) младочешских „Народных листу“ и критическое отношение к царской России, видели будущее „новой России“. Из реалистов вышел, например, Гюго Рихтер, который в 1902-ом г. издал брошюру „Kollárova idea slovanská a náš program“ (Славянская идея Коллара и наша программа). Против русофильства Крамаржа, против „культы власти и материальной силы“ выступил Адольф Черный в журнале „Naše doba“ (1906) в статье „O slovanské vzájemnosti v době přítomné“ (О славянской взаимности в настоящее время), в которой он высказывался за решение русско-польского спора (вступался за права поляков) и за равноправие украинцев в России и в Галиции, осуждал „официальную Россию“ и т. д. Черный как сторонник „морального принципа“ Масарика не мог, однако, последовательно понять смысл русской революции (1905). Несомненно, однако, заслужит положительную оценку программа журнала „Slovanský přehled“, в которой Адольф Черный с самого начала стремился достичь общего понимания и сближения славянских народов на культурном поприще, отрицая общеславянские утопии и австрийский неославизм.

Если и так называемые реалисты должны были рассчитывать в своей политической программе на славянскую идею или, точнее говоря, на сла-

зянское чувство общества, то потом нельзя удивляться тому, что и чешские политические партии (буржуазные) не пропускали ни одного удобного случая и при помощи разных лозунгов славянской взаимности обеспечивали для себя доверие своих избирателей. Младочехи, как мы уже говорили, выдавали себя за русофилов (дело в действительности касалось царофильства),¹² не отказываясь, однако, от своего лояльного отношения к Австрии. Журнал чешских социалистов „Česká demokracie“ хотя несколько раз и говорил о „народной России“, но это не мешало Клофачу полагаться на царизм и предлагать (конечно напрасно!) ему перед войной свою помощь против Австрии. Более мелкие радикальные партии в большинстве случаев отрицали официальное русофильство и видели смысл своих славянских программ в „эмансипации славянских подавляемых народов“ (например, радикально-прогрессивная партия братьев Гайнов).

Относительно слабый интерес к славянской идее в политической печати Чехии в 80-ых—90-ых гг. уравнивался новой распространенностью „славянских мотивов“ в литературе 70-ых гг. — со времени отклика на освободительные войны на Балканском полуострове и войну России против Турции. Напомним здесь сжато о Сватоплуке Чехе, Элишке Красногорской, Тржебизском, Ирасеке и Голечке, из словаков о Гурбане Ваянском и Павле Орсаге Гвездославе, и из группы так называемых космополитов, Юлиусе Зейере, Врхлицком и Фр. Квапиле. В произведениях этих и других авторов мы читаем о славянской взаимности, о стремлении к новой славе славян и т. п. Некоторые из них не критически относились к царской России — Голечек, Ваянский, другие ее отрицали вообще (Павел Дурдик).

Мы переходим теперь к полякам, которых западные авторы считают „традиционно неславянскими“. Нет сомнения в том, что славянская идея не была столь широко распространена среди поляков, как среди чехов. Царская Россия, на которую полагались южные славяне и чехи с словаками, была одним из угнетателей польского народа. Разгром восстания 1863-го года, понятно, еще больше подлил масла в огонь, т. е. усилил польское антирусское настроение и углубил антипатии к „русофильски настроенным чехам“. Споры о Галиции с украинцами (в которых поляки в свою очередь выступили в роли угнетателей) еще больше углубили их разногласия с „восточным“ славянским соседом. Необходимо, однако, предупредить, что более ранние исследователи (в том числе и польские) оценивали понимание поляками славянской идеи прежде всего с позиций антирусской эмиграции или галицких помещиков, которые добились довольно многих выгод во время объявления дуализма габсбургской монархии (добились после 1867-ого г. чисто польской администрации, приобрели два университета, высшее техническое учебное заведение, Академию наук). Галицкие политические деятели впоследствии действительно поддерживали Габсбургов, пред-

полагая, что с их помощью восстановят польское государство с его давними восточными границами (следовательно и с украинскими и белорусскими землями).

Но против этой тактики крупно-помещичьей буржуазной политики выступила критика еще в 70-ых гг. Тешинский журнал „Gwiazdka Cieszyńska“ призывал в статье (1879) „Polacy galicyjscy wobec Słowian austriackich i Śląska“ (Поляки из Галиции о славянах австрийских и о Силезии): „Думая о будущем, поляки должны продолжать отношения и связи с славянскими народами. Вместе с ними и через их посредство они могут многое сделать для пользы своей страны... Мы считаем своей обязанностью указать на необходимость общих действий с другими славянами и думаем, что наше желание не будет считаться панславизмом, которому можно помешать, собственно говоря, только этим путем.“ Жаль, что в 1881-ом г. попытка издавать журнал „Kronika Słowianska“ с подзаголовком „Pismo poświęcone sprawom społecznym, gospodarczym, naukowym i politycznym, tudzież literaturze i sztuce wogóle, ze szczególną uwagą na narody słowiańskie“ (Газета по вопросам общества, хозяйства, науки, политики и даже литературы и искусства вообще с особым вниманием к народам славянским), первый выпуск которого был издан (в г. Бильско на Тешинске). Из передовой статьи мы узнаем, что редактор хотел поддерживать общую борьбу поляков и чехов в Силезии и взаимное сближение поляков с остальными славянами.

Захват немцами Польши (область г. Познань, Силезия) дал почувствовать „среднему поляку“, что, ведь, русские, этот славянский народ, может стать другом и союзником поляков.¹³ Познанский недельник „Lech“, издаваемый в 1878 г. славянофилом Йозефом Хочишевским, обращал внимание главным образом на вопросы сотрудничества славянских народов. Хочишевски интересовался в особенности сотрудничеством поляков с чехами, но его программа обратила на себя также внимание украинцев. На Хочишевского не подействовал успех „Леха“ и он стал в 1881 г. издавать новый журнал, двухнедельник „Przegląd Słowiański“, в котором он отстаивал некоторые романтические славянские лозунги, напоминающие время Коллара — первую половину 19 в. Тогдашняя польская печать игнорировала пропаганду культурной славянской взаимности Хочишевского; его, однако, никак нельзя было отговорить, и он еще в 1895 г. основал новый журнал „Gazeta Gnieźnienska“, в котором повторял свои лозунги о „славянском братстве“. Бросается в глаза восторженное отношение со стороны некоторых польских журналов в Силезии в 80-ых и 90-ых гг. к подъему чешской экономической и политической жизни. В Галиции, после захвата ее Австрией, Мариан Зджеховски в книге „Polscy mesianiści“ (Польские мессиянисты, 1889) попытался привлечь внимание к польскому пониманию славянской идеи. Учас-

тие поляков в пражских торжествах 1889-ого г. и посещение чехами Кракова год спустя (годовщина Мицкевича) давали надежду на удачное разрешение чешско-польских споров. В 1902-ом г. был потом в Кракове основан „Славянский клуб“ и с 1904-ого г. стали издавать журнал „Świat słowiański“ (Славянский мир), который хотя и оказывал лишь небольшое влияние на польское общество (в сопоставлении, например, с чешским „Slovauským přehledem“), но и выражал определенные изменения, происходящие в политике части польской буржуазии. Ст. Смолка (сын депутата Фр. Смолки!) считал даже необходимым протестовать в своей книге „Polacy, Czesi i Niemcy“ (Краков 1898) против лозунга относительно „союза поляков и чехов“, который, по его мнению, стал „популярным в польской политической общественности“. Клерикально ориентированный автор называет здесь славянофильство „нездоровой идеей“. — На территории захваченной царизмом „угодовцы“ и в дальнейшем на протяжении 80 и 90 гг. пользовались некоторыми лозунгами славянской взаимности (З. Виело-польски, Эразм Пилц).

Как выглядела обстановка в России в конце 19-ого в.? В 80-ых и 90-ых годах Германия или Австро-Венгрия не должны были бояться русского панславизма. Россия тогда устремила свои интересы в Азию (в 1890-ом г. стройка транссибирской железной дороги). Австрийское посольство сообщало в Вену (1891): Русское общество отличается недостатком интереса или даже можно сказать апатией ко всему славянскому.¹⁴ Во время угрожающего конфликта между Россией и Австрией (из-за Болгарии — 1888) хотя и появились в России антиавстрийские и, главным образом, антинемецкие настроения,¹⁵ но наконец русское правительство договорилось с Австрией на принципе status quo по отношению к Балканскому полуострову (направленному, точно говоря, против интересов южных славян!). Не удивительно, поэтому, что председатель Славянского благотворительного общества в Петрограде — Игнатъев — выразился в 1893-ьем г. очень скептически о возможности существования славянской взаимности в России, где славянская идея тесно примыкала к реакции, так что прогрессивные люди относились к ней с недоверием. Даже либеральной буржуазии тогда не нравилось русское славянофильство, которое вело, как это написал П. Н. Миллюков в статье „Разложение славянофильства“ (1893) к обскурантизму или к химере всемирной теократии. Б. Чичерин в свою очередь предупреждал о том, что Россия держит в кандалах поляков и не может, следовательно, проповедывать какое бы то ни было освобождение славян.

Несмотря на эту критику русского славянофильства со стороны либеральной буржуазии в России продолжало существовать определенное настроение, поддерживающее „славянскую политику“. Русский делегат на пражском торжестве в 1898-ом г. (созванном по случаю столетия со дня рождения

Фр. Палацкого), **В. В. Комаров**, обещал на заседании представителей славянских народов, что Россия защитит славян от угрожающей немецкой опасности.

Пражское собрание в 1898-ом г. и регулярные встречи славянских журналистов (из Австрии) в последующие годы обозначают определенно новый этап в развитии межславянских политических связей и отношений, вылившихся затем в так называемое неославянское движение. Явная угроза немецкого *Drang nach Osten*¹⁶ или *Drang nach Süden*, далее усиление напряженности в чешско-немецких и польско-немецких отношениях в области 1. Познань и ухудшение культурно-политического положения славян в Венгрии — все это способствовало возникновению новых славянских программ, однако не политического панславизма. Сами представители славянских народов на пражском собрании в 1898-ом г. пришли к заключению, что интересы их народов расходятся и что общими могут быть только стремления к достижению гражданских, национальных и языковых прав (в Австрии).

Во главе борьбы за „славянскую идею“ в начале 20-ого в. стояли чехи. Действительно неославянская идея является „чешским изобретением“ (как говорили позже некоторые сербы), которое должно было помочь чешской буржуазии добиться большего удельного веса в политике Австрии. У южнославянских политических деятелей были подобные цели, которые они хотели осуществить в сотрудничестве со всеми австровенгерскими славянами. Позже известный хорватский политический деятель **Штепан Радич** предлагал осуществить „славянскую политику в габсбургской монархии“ (название его произведения от 1906-ого г.), которая добивалась бы преобразования Австро-Венгрии в конфедерацию пяти государств: Чехии (с Моравией и Силезией), Галиции, Венгрии, Хорватии (в том числе и словенские земли) и немецкой Австрии со столицей Веной. Славянские государства для взаимного общения выбрали бы чешский язык. Конфедерация завязала бы потом дружеские связи с Россией, но вела бы самостоятельную политику на Балканском полуострове и в Малой Азии. Подобным образом также словенец **Леопольд Ленарт** (священник) предлагал в своей брошюре „*Der Pan-slavismus*“ (Панславизм, 1906) установить сотрудничество или даже таможенную унию между Австрией и Россией, далее заключение дружбы тройственного союза с Францией с целью понижения опасности немецкой интервенции. Обо всем этом необходимо было договориться на каком-нибудь общем славянском конгрессе, который одновременно занялся бы русско-польским спором, таким образом можно было бы устранить препятствие к осуществлению грандиозной „общеславянской политики“.¹⁷

Очевидно, что новые предложения „славянской политики“ не отличались антиавстрийскими целями. Чешские младочехи и в 20-ом в. продолжали хвалить царскую Россию, но без антиавстрийской направленности. Чешская

буржуазная печать с радостью отмечала проявления интереса русской публицистики к славянским вопросам и советовала России „более заниматься славянской политикой“ и внимательно следила за русской критикой, которая отрицательно относилась к немецко-австрийскому союзу и за обращениями России к Австрии с призывом принять участие в русско-французской коалиции. Целью этих и подобных статей было — достичь определенного согласия между Австрией и Россией. Поэтому чешская буржуазная печать была обрадована поездкой эрцгерцога Франца Фердинанда в Петроград (февраль 1902-ого г.) и пребыванием царя Николая в Вене (сентябрь 1903-ьего г.), в чем видела „лучшее будущее“ Австрии и австрийских славян. Из всей кампании чешской буржуазной печати в период от 1901-ого до 1903-ьего гг. (за исключением „Radikálních listů“) вытекает, что целью тогдашней славянофильски или русофильски настроенной буржуазии было достижение австро-русского союза; таким образом чешская буржуазия хотела защитить себя от опасности со стороны Пруссии и одновременно надеялась на расширение своих торговых и хозяйственных отношений с „восточной“ Европой. Поэтому также чешские буржуазные политические деятели отказывались от идеи „распада“ габсбургской монархии, о чем начинали уже дискутировать на Западе.

Доктор Ярослав Странский, владелец известной брненской газеты „Lidové noviny“, депутат и председатель моравской народной партии выступал против распада габсбургской монархии (английский журнал „The Mountly Review“, 1903, № 29) и объяснял английским читателям, что Австрии не угрожает панславизм, а скорее пангерманизм.¹⁸ Несколько раз нам приходится читать в период 1901-ого—1905-ого гг. и позже в чешской буржуазной прессе, что „наше будущее обеспечено только в Австрии“, „что мы должны осуществлять только австрийскую политику“ и т. д.

Тогда в первые годы 20-ого в. казалось, что цели чешской буржуазной политики вполне достижимы. Буржуазная пресса тогдашнего времени ожидала „укрепления русско-австрийских отношений в области экономики“ и надеялась, что этот факт даст также и „политический эффект“. Ведь и будапештский журнал „Pester Lloyd“ с удовольствием констатировал, что „прошло время, когда противопоставлялись друг другу то Австро-Венгрия с Россией, то опять Россия с Австрией“ (на Балканском полуострове). С удовлетворением приняла тогда вся Россия подтверждение соглашения с Россией о status quo на Балканском полуострове (1903).

Как мы уже сказали, царское правительство после 1878-ого г. устремило свою политику в Азию и недовольные славянофилы были даже наказаны. Из сообщений австрийского посольства в Петрограде (90-ые гг.) вытекает, что русское правительство тогда не интересовалось славянским вопросом. Конечно в случае надобности в России все-таки пользовались славянофиль-

скими (русофильскими) настроениями на Балканском полуострове или в Австрии. В начале 20-ого в. добилось петроградское „Славянское благотворительное общество“ разрешения на участие в политике. За „развитие славянской солидарности и духовного объединения славян с Россией“ (первый пункт устава этого общества) боролись некоторые русские журналы, критикуя при этом русско-австрийское соглашение относительно status quo на Балканском полуострове. В России подвергается критике главным образом австрийский союз с Германией. Дело касалось, однако, прежде всего критического отношения к пангерманизму, следовательно к Германии. Австрии советовали присоединиться к русско-французской коалиции, что было бы „самым безопасным средством для предотвращения пангерманского движения“.

И статьи „современного славянофила“ и „панслависта“ В. П. Сватковского в московской печати конца 1905-ого г. против немецкого Drang nach Osten и за „новую освободительную славянскую политику“ не были направлены против Австрии, а, наоборот, Сватковский предлагал сохранять хорошие отношения с Австро-Венгрией и заключить соглашение с последней об общих действиях на Балканском полуострове против Турции. Русские славянофилы должны были бы, как считал Сватковский, направить прежде всего свои усилия против опасности немецкого движения на восток. Поэтому славяне должны продолжать взаимные отношения, открыть границы друг для друга, устраивать выставки, созывать съезды, расширять торговые связи и т. п.

Сватковский затем повторил свои предложения даже во французском журнале „Revue Slave“, где против славянофильского триединого позунга: „православие, самодержавие и национальность“ выдвигал следующие принципы „новой славянской идеи“: 1. Равенство больших и малых народов с точки зрения национального и экономического развития; 2. равенство всех церквей в славянском мире; 3. равноправие всех народов, которые присоединились бы к „славянскому миру“.

По инициативе Сватковского в марте 1906-ого г. в Москве был основан „Славянский союз“, в уставе которого читаем: „Целью союза является практическое осуществление всеславянского объединения, как мирного противовеса агрессивному пангерманизму. Эта цель не ставит себе задачей нарушение корректных отношений с миролюбивыми представителями немецкого народа, но наоборот направлена на искреннее и тесное сближение с Австро-Венгрией, которая является полуславянским государством, необходимым для сохранения равновесия центральной Европы.“ Ближайшая внутренняя задача союза — решить славянский вопрос в самой России (т. е. польский и украинский вопросы) — ближайшая „внешняя задача“ — „установление нормальных и тесных связей с зарубежными славянами“. Самой лучшей

формой осуществления этой мысли должна была быть таможенная уния с славянскими государствами Балканского полуострова и с Австро-Венгрией.¹⁹

Кадетская печать позже взгляды Сватковского и его друзей назвала „неославизмом“ (название дал писатель Федоров). В неославянском движении в России приняли участие также и консервативные (славянофильские) политические и культурные деятели, так что в этом можно было упрекнуть не только Польшу и Чехию, но и Россию.²⁰ В дискуссиях о „неославизме“ было выдвинуто предложение — созвать „славянский конгресс“. Мало известный профессор Борзенко в 1907-ом г. подал предложение премьер-министру Столыпину, из которого следовало, что Россия должна позаботиться о единстве славян. Столыпин ответил, что дело должно было бы касаться только культурного, а не политического единства славян. Сообщение об этих письмах попало в иностранную печать и затем в русские газеты, которые тогда утверждали, что Борзенко намерен израсходовать на организацию Славянского конгресса 100 000 рублей. Борзенко позже в 1907-ом году писал о своем предложении депутатам австрийского парламента — Крамаржу, Марку и Грибару.

Также австрийские славяне живо дискутировали о вопросе созыва представителей славянских народов. Редакция чешского журнала „Máj“ напечатала в 1906-ом г. анкету о культурном и экономическом сотрудничестве всех славянских народов, на основе которой затем в мае 1907-ого г. предложила организовать Чешскому национальному совету по случаю 60-ой годовщины пражского Славянского съезда подобное собрание представителей славянских народов. На собрании австрийских славянских депутатов в Вене (ноябрь 1907-ого г.) Крамарж прочел „программную речь“ чешского неославянского движения. Крамарж советовал тогда покончить с старым пониманием славянской идеи, отмеченным уваровской троицей лозунгов, и предлагал выдвинуть демократические позунги: равенство, свободу, братство. После визита русского генерала Володимирова в Прагу, пригласили в Петроград (в конце мая 1908-ого г.) чеха Крамаржа, словенца Грибара и украинца Глебовицкого (представителя так называемой старорусской партии) для уточнения даты и места предстоящего съезда славянских представителей.

Горячая встреча австрийских депутатов (которые, конечно, прежде всего консультировались с австрийским правительством!) и выступление поляка Романа Дмовского об опасности немецкого „Drang nach Osten“²¹ вызвали „братское“ настроение. Хотя поляки еще в 1907-ом г. жаловались, что их проблемы среди австрийских славян мало известны, все-таки славянофильством занимались (М. Здзеховски, Завилиньски, Т. С. Грабовски, Е. Колодзейчик, Ф. Конечны),²² которое, однако, в большинстве случаев пони-

малось ими в польско-католическом плане. Однако некоторые выступления русских кадетов в 1905-ом—1908-ом гг. о возможной автономии поляков в польском королевстве привлекали часть польских деятелей к неославянскому движению.

Более точная программа должна была быть обсуждена на славянском съезде в Праге (июль 1908-ого г.) — такое решение было принято в мае 1908-ого г. в Петрограде. Роль организаторов „Подготовительного всеславянского съезда“ была дана чешской буржуазии не случайно; будучи одной из самых развитых среди поработенных и малых славянских народов, чешская буржуазия была исключительно заинтересована в том, чтобы еще больше укрепить свои позиции в монархии посредством „неославянской идеи“. Ведущая роль чехов в австрийском неославизме признавалась затем в особенности южным славянам, которые в своей печати восхищались высоким уровнем чешской промышленности и чешской культуры. Как известно, в Чехии уже с конца 19-ого в. учились многие южные славяне.

Созыв съезда вызвал в ежедневной печати большой интерес. Течение и результаты²³ его можно сжато подытожить следующим образом: Хотя в Прагу приехало много народу, но увлечение делегатов культурной славянской взаимностью, хозяйственными отношениями (говорили также об учреждении „славянского банка“) и необходимостью уладить споры между русскими и поляками (об украинцах молчали, чтобы не дразнить официальной русской делегации), далее между сербами и хорватами и между сербохорватами и болгарами было в большинстве случаев безрезультатным. Собственно говоря, и нельзя было бы ожидать разрешения споров между представителями буржуазии отдельных славянских народов, так как нечешские делегаты были скорее только второстепенными политическими деятелями. Содержание главных докладов Крамаржа и Дмовского явно вскрывало реакционную сущность неославянской идеи. Крамарж, который заранее сообщил австрийскому министру иностранных дел Эрентау свои предложения о сотрудничестве с русскими неославистами, провозглашал на съезде: „Мы, неослависты, не хотим ломать троны, уничтожать империи и государства...“ Дмовски также провозглашал, что он признает принадлежность польского королевства к царской России.

На съезде в Праге и позже в публицистике часто приводилось, что опасность Германии была главной причиной и импульсом для возникновения „новой формы славянской идеи“. Не правда, однако, что якобы чехи и южные славяне обещали тогда в Праге русским бороться против Австро-Венгрии и против Германии — как это утверждает Фишель, ссылаясь на воспоминания Штепана Радича (опубликованные в пражском журнале „Osvětá“, 1909).²⁴ В Чехии хотя и думали некоторые люди о сотрудничестве с русским военным управлением и даже до августа 1914-ого г. в этом

смысле выдвигали некоторые предложения русским деятелям (Шейнер, Клофач, Крамарж); но все-таки в 1908-ом г. и вообще до начала войны представители чешской официальной политики были лояльны по отношению к Австрии. Крамарж тогда выдвинул „концепцию внешней политики“ неославизма в сборнике „Česká politika“ приблизительно следующим образом: 1) в интересах России является поддержать мощную Австрию как барьер против немецкого „Drang nach Osten“; 2) Россия и Австрия одинаково заинтересованы в status quo в Царьграде; Австрия не должна бояться русской политики. Хорваты затем вместе с словенцами-клерикалами предлагали триединую организацию габсбургской монархии, в которой „Великая Хорватия“ была бы „третьей частью“ Австрии. За это предложение некоторых буржуазных политических деятелей южных славян стояла также часть английских публицистов (Seton-Watson, Steed).

Предположение чешских, южнославянских или польских и русских буржуазных политических деятелей о том, что Австро-Венгрия и Россия договорятся в вопросах внешней политики (о разделении Балканского полуострова) вскрывало, с одной стороны, реакционное содержание неославизма (дело касалось, собственно говоря, поддержки империалистической программы внешней политики двух реакционных династий и режимов), с другой стороны, оно свидетельствовало о нереальности этой политической концепции. Хотя и в Вене дружески выслушали программу неославизма Крамаржа, но согласились с ней лишь постольку, поскольку это движение способствовало бы „тесному сплочению консервативных интересов Австро-Венгрии, России и Германии (подчеркнул — Й. К.) в случае их общей обороны против социально-революционной волны, которая угрожает затопить Европу с востока“! Австрийское правительство отрицательно относилось к антинемецкой направленности неославизма. Оно проинструктировало своего депутата в Петрограде в том смысле, чтобы он именно с этих позиций „договорился со своим немецким коллегой“.²⁵ Надежда на общие действия Австрии и России исчезла уже спустя месяца три после окончания пражского славянского съезда. Осенью 1908-ого г. Австрия захватила Боснию и Герцеговину — без ведома и против воли России! Это, само собой разумеется, вызвало в России возмущение. На правящие круги России неприятно подействовал также тот факт, что австрийские неослависты в венском парламенте одобрили эти действия.

Таким образом вскоре после пражского съезда появились первые несогласия между политическими деятелями славян. Отношение чешских и словацких депутатов к захвату (Боснии и Герцеговины) вызвало возмущение сербов, радикальная партия которых после переизбрания в 1903-ем г. (установление династии Караджорджевичей) проводила антиавстрийскую русофильскую внешнюю политику. Еще до 1903-ьего г. сербские полити-

ческие деятели в эмиграции — Михайло Вуич, Милан Миланович и др. писали о славянской солидарности в антиавстрийском смысле. Захват Боснии и Герцеговины, само собой разумеется, взволновал тех сербов, которые думали о Великой Сербии и которые с 1904-ого г. завязывали тесные отношения с болгарами. Некоторые сербы вели переговоры с Болгарией даже о заключении таможенного соглашения (1906), которое, однако, из-за несогласия Вены не осуществилось. В то время как сербы возмущались захватом Боснии и Герцеговины, болгарский князь Фердинанд Кобург использовал австровенгерскую поддержку и провозгласил себя королем. Это, конечно, очень охладило официальные отношения между Сербией и Болгарией. Еще в 1908-ом г. вновь обострились отношения между Россией и Польшей, после того как царское правительство усилило национальное угнетение польского населения. Правое крыло славянофилов вообще относилось к неославизму с недоверием. Башмаков в мае 1908-ого г. называл австрийских депутатов — Крамаржа, Грибара и Глебовицкого — „красными революционными неославистами“. Киевские украинцы и галицкие „младоукраинцы“ вообще не приняли участия в пражском съезде. Известный историк Грушевский тогда писал, что неославизм направлен против Германии, которая, по отношению к украинцам, ни в чем не виновата, в то время как русские и польские их угнетают. Также большая часть поляков была не согласна с Дмовским. Также в чешско-польских отношениях уже с 1908-ого г. появилось некоторое охлаждение, как об этом мы узнаем из докладов журнала „Slovanský přehled“.

Чешские и русские „неославяне“ выполнили резолюцию пражского съезда и созвали в Софии другой славянский съезд (1910). Но уже на подготовительном собрании в Петрограде (апрель 1909) проявились разногласия в воззрениях на дальнейшее развитие неославянской идеи. Так как лишь некоторые либералы, принадлежащие к русским неославянам, требовали полной автономии для поляков, польские делегаты приняли участие в Софийском съезде только как гости. Украинцы, само собой разумеется, в Софию не приехали. Почти ни один из сербских участников не относился к выдающимся представителям сербской политической жизни. В Сербии вообще тогда думали, что „неославизм — чешское явление, изобретение специально крамаржовское“.²⁶ Болгарские организаторы стремились придать съезду внешний блеск; переговоры не дали уже никаких конкретных результатов.

Настроения дальнейших межславянских связей и также предложения „славянской взаимности“ продолжали, конечно, существовать и после 1910-ого г. Главным образом победа балканских народов (в том числе, следовательно, также сербов и болгар) в 1912-ом г. привлекла внимание славянских народов к взаимному сближению. Сотрудничество сербов и болгар

в войне против Турции горячо приветствовали в Чехии и также частично в России. Их военные успехи вызывали новые проявления славянского энтузиазма, напоминающего настроения 70-ых гг. Нельзя забывать, что когда началась война балканских народов против Турции, была Чехия взволнована новой волной национальных споров, поднятых из-за неуступчивости немецкой буржуазии и пристрастного отношения австрийских властей. Таким образом в ежедневной чешской печати одновременно с статьями полными восхищения „смелыми подвигами“ болгарской пехоты и сербской артиллерии стали появляться статьи, в которых вновь пропагандируется „славянская идея“ или „славянская сплоченность“, которая у чешской общественности проявилась в денежных сборах, посылках лекарств, кроме того многие врачи и медсестры выехали на поля сражений.²⁷

Торжественные выступления и восхищение героизмом „южнославянских молодцов“ в Чехии и Хорватии (не говоря уже о венгерских сербах) были столь распространены (на юге австрийское правительство распустило несколько районных дум), что немецкий депутат в Вене — Тширски — с тревогой сообщал в Берлин о „симптомах неизбежного распада габсбургской власти“.²⁸ В Вене не сумели скрыть горького разочарования военными неудачами Турции. Победы „вшивых сербов“ принесли прямо ужас, умноженный затем восторженным откликом на эти победы австрийских славян. Раздраженными оказались не только германофилы, но и защитники триединой организации монархии (наследник Франц Фердинанд). Прореагировал также Берлин. Кайзер Вильгельм II в ответ на пессимистические заявления своего венского депутата посоветовал решительно подавлять славянскую волну в Австро-Венгрии вплоть до виселиц; главным образом „чешские негодяи“ должны были быть вылечены „кровью и железом“.

Победа балканских народов над Турцией вызвала в России двоякую реакцию: В то время как славянофилы радовались и стали распространяться либеральные славянофильские настроения (Э. дэ Витте и А. Погодин стали интересоваться чехами, издавались новые славянские журналы „Славянство“ и „Известия общества славянской культуры“), царский двор боялся того, что Царьград мог бы попасть в руки болгар! Еще до начала войны обещал русский министр иностранных дел в Берлине, что русское правительство возьмет славянофильские круги в ежовые рукавицы, если они попытаются вовлечь царя в войну на помощь балканским „христианам“. Царь Николай II затем писал своей матери царице-вдове Марии Федоровне: „Слава богу, в России ни один порядочный человек не желает войны из-за славян, только еврейская газета с Гучковым и его журналом „Новое время“ пишут о том, что русское общественное мнение возбуждено — но это: подлая ложь!“²⁹

Тем не менее славянофилы попробовали развернуть пропаганду за интер-

венцию России на Балканском полуострове. „Славянское дело“ писало в 1913-ом г.: „Дело славянства — дело русское. У нас на западе нет друзей кроме славян. Им мы нужны как освободители и нам они нужны в качестве барьера против культурного и политического влияния запада и юга.“³⁰ Русское славянофильство было в действительности политическим панрусизмом, который не признавал прав поляков и самобытности украинцев и белорусов. Усиленная русификация на Украине и в польском королевстве укрепляла среди части польских и украинских буржуазных групп их тенденции ориентировки на Вену или Берлин — против России. Также болгарская буржуазия, проигравшая в 1913-ом г. свою войну против Сербии (дело касалось разделения Македонии) и возмущенная отношением России и сербофильством чехов стала вновь искать помощи в Вене и в Берлине.

Не удалось сохранить оптимистические настроения даже в вопросе чешско-польского сближения, несмотря на то, что в Праге в 1912-ом г. при открытии Чешско-польского клуба провозглашались тосты за взаимность и в Остраве должно было даже состояться собрание чешских и польских делегатов о школьном деле на Тешинске. Здесь, однако, уже ни та, ни другая сторона не жалели резких слов и даже угроз. Оказалось неудачным, в конце концов, и сотрудничество в рейхстаге в Вене после того как польские и украинские делегаты отказались от чешских предложений о создании союза славянских депутатов в австрийском парламенте. Некоторые польские буржуазные газеты призывали тогда — в период балканских войн — Австро-Венгрию вмешаться в военные действия на Балканском полуострове — против России!

Таким образом в результате всех этих обстоятельств Крамарж был вынужден признать в новогодней передовой статье „Lidových listů“ (1914) полный крах неославянского движения.

* * *

Мы видели, что неославянская идея в понимании чешской или хорватской буржуазии не ставила перед собой антиавстрийских целей, а наоборот неослависты, стремясь к австро-русскому союзу, вскрывали реакционный характер своего движения. Сторонники неославянской идеи хотя и стали первыми выдвигать лозунги примирения и равноправия славянских народов, начали определенную пропаганду против немецкого милитаризма (в Праге об этом резко говорили южнославянские делегаты а также поляк Здзеховски), но лидеры неославизма относились к австрийскому и русскому правительству вполне лояльно — в противоположность желанию и нуждам народа своих наций. Поэтому неославянская идея должна была потерпеть крах: идеология, целью которой было примирение австро-венгер-

ского и русского режимов, оказалась столь же недемократической и контрреволюционной, как мессианистско-славянский панславизм. Характер славянской идеи до 1914-ого г. и во время войны мог быть только демократическим и революционным, т. е. антигабсбургским и антицаристским.

Не удивительно, что левая рабочая печать выступала против неославянской идеи и вообще против буржуазного славянофильства.

Как известно, Маркс и Энгельс еще в 70-ых и 80-ых гг. 19-ого в. обращали внимание на „мечту“ славянских народов о всеславянской федерации, но одновременно правильно предполагали, что конец этим мечтаниям нанесет русская революция, в которую они верили уже с 1870-ого г. Основоположники марксизма, организуя международное рабочее движение, считали выгодным в начале его (революционного рабочего движения) воспользоваться этнической близостью славянских народов. Поэтому русской секции I-ого Интернационала дали задание организовать движение среди „славян“ и Маркс стал даже секретарем русской секции в генеральном совете Международного объединения. Известно далее, что лидеры чешских рабочих — Запотоцкий и Пецка — добивались переписки с русскими революционерами, однако безрезультатно. До сих пор не известны подробные данные о конкретных отношениях представителей рабочего движения славянских народов в I-ом Интернационале. Сообщения австро-венгерских властей об этих отношениях — только предположения — и касаются анархистского движения (Бакунин), в котором участвовали поляки и сербы. Также русские революционные народники (П. Лавров) в 80-ых гг. обращали внимание на общественно-революционное движение в славянских странах. В программе их группы „Вперед“ намечался интерес к „социальным партиям Сербии, Хорватии, Чехии, Польши, Галиции, которые подвигами и кровью родственны нам“.³¹

Второй Интернационал уже не нуждался в „славянской секции“, так как рабочее движение в Чехии и в других славянских странах настолько разрослось, что могло иметь своих самостоятельных представителей — на основе представительства рабочих в зависимости от стран.

Все-таки однако представители рабочего движения славянских народов считали подходящим собраться по случаю международного социалистического конгресса в Цюрихе (1893) на специальной встрече. Общеславянские лозунги, само собой разумеется, отрицались, но одновременно признавались некоторые „естественные импульсы“, соединяющие славянские народы. В начале 20 в. в русской „Искре“ (1902) К. Каутский в известной статье „Славяне и революция“ показал на значение народного и социального движения славянских наций.

Как известно, революционно настроенные рабочие в Чехии и Словакии относились к официальному русофильству (царофильству) отрицательно.

Попытки добиться в 70-ых гг. организации „славянских“ рабочих обществ (в противоположность социал-демократическим просветительным обществам) и главным образом потом в 90-ые и более поздние годы всеславянский патриотизм чешских социалистов (лозунги „славянского национального социализма“!) вызвали у революционно настроенных рабочих определенное недоверие не только к официальному русофильству, но иногда также к идее славянской взаимности вообще. Внимания заслуживает начальный период рабочей печати в Чехии, которая дала более точные сведения о деятельности революционного демократа — Чернышевского (неправильно, однако, изображали тогда Чернышевского уже как революционного социалиста) и которая отнеслась с симпатией к антитурецкому восстанию южных славян. Пражский социал-демократический журнал „Budoucnost“ (1876) хотя и должен был удовлетворяться информацией о балканских событиях только посредством венской социалистической печати, но все-таки сумел правильно понять восстание южных славян. „Budoucnost“ тогда писала: Будучи социал-демократами, мы — против войны! Но мы признаем обоснованность борьбы славян против турок. Ни один человек, если он не ослеплен, не может не желать победы угнетенным славянам. — „Budoucnost“ признавала, что освобождение южных славян из-под турецкого ига было бы прогрессивно и с точки зрения интересов рабочего класса.³²

Что касается России, рабочая печать в Чехии информировала прежде всего о народниках. Последние пользовались в Чехии большой популярностью, как об этом свидетельствует известная рабочая песня „В России большая буря“. В чешскую рабочую печать затем стали постепенно проникать более точные сведения о развитии революционного движения в России.³³ Чешские социал-демократы 90-ых гг. понимали, что в России зарождается новое завтра и высказывали пожелание: Чем раньше, тем лучше для русского народа и для всей Европы!

Представители социал-демократического движения славянских народов все время интересовались развитием событий в России — разумеется на основе совсем других позиций, чем буржуазия. Это различие хорошо выражает брненская газета „Rovnost“ в 1903-ьем г.: Еще недавно реакционеры увлекались Россией, сегодня, однако, Россия становится надеждой всех европейских революционеров. Россия показывает путь остальному миру.³⁴

Рабочая печать в Чехии, в Польше и в южнославянских странах, вместе со всем сознательным пролетариатом Германии, Венгрии и Франции, Италии и др., симпатизировала революционной России прежде всего с позиций пролетарского интернационализма. Социал-демократы славянских народов конечно и в дальнейшем признавали этническую близость с русскими; в сообщениях о революционной России можно найти проявления радости и гордости, что именно русские братья освобождают для социалистической

революции путь в Европу и что именно с славянского востока приходит новая эра человечества. Возникает важный вопрос: Является ли интерес чешских (или польских или южнославянских) рабочих к России и их восхищение русскими революционерами „левым русофильством“ (в отличие от официального буржуазного русофильства — царофильства)? Могут ли рабочие включить в свою программу идею славянской взаимности, допустим, в демократическом духе?

Напомним вновь о задаче идеи славянской взаимности во время Коллара (20-ые—40-ые гг. прошлого века); она должна была поднимать „национальное чувство“, совершенствовать родной язык и литературу, углублять взаимное понимание славянских народов, поддерживать взаимную помощь и сотрудничество (в культуре) и т. п. Русские революционные демократы 50-ых—70-ых гг. считали, что задача идеи славянской взаимности — оказывать влияние на признание и достижение национального равноправия или же укреплять более тесное политическое сотрудничество среди славянских народов или же вместе с другими угнетаемыми славянскими народами бороться против царизма и габсбургской монархии. Революционное рабочее движение основывалось, конечно, в 60-ых—80-ых гг. прошлого столетия прежде всего на принципах пролетарского интернационализма, которые, однако, иногда неправильно толковались как отрицание национальности вообще (выступления некоторых брненских социал-демократов на переломе 60-ых—70-ых гг.). Более серьезная опасность появилась в конце 19-ого в. после того как часть функционеров социал-демократических партий славянских народов стала сотрудничать с буржуазией и создавать „национальные“ профсоюзные и политические организации внутри австрийской социал-демократии.

Чешская социал-демократическая печать продолжала критиковать официальное русофильство „Národních listů“ и некоторых других буржуазных журналов, продолжала критиковать восторженное отношение чешской буржуазии к взаимным поездкам австрийского наследника (в Россию) и русского царя (в Австрию), подчеркивала антиславянскую направленность царского правительства, призывающего в период 1902-ого—1903-ьего гг. Сербию и Болгарию „к спокойствию“. На хвалебные выступления чешской буржуазии по случаю визита царя в Вену (осенью 1903-ьего г.) чешская социал-демократическая печать ответила приветами в адрес русских рабочих. Представители славянских социал-демократических партий Австро-Венгрии послали тогда с своего общего собрания привет русским рабочим-революционерам: „Ваша пролитая кровь расцветет и должна расцвести красным цветком, даст и должна дать плоды в честь и для прогресса всего славянства и всего народа.“³⁵

Наши рабочие, узнавая о событиях в России (иногда непосредственно из

русской революционной печати), отказывались в феврале 1904-ого г. участвовать в различных выступлениях буржуазии, приветствующей войну России с Японией. Рабочие славянских народов не могли относиться к царизму без „страстной ненависти“. Чешские сознательные рабочие (читаем в социал-демократической печати) не позволили ввести себя в заблуждение „лозунгами о славянской идее“ и отказались от увлечения чешской буржуазии царской Россией. „Сегодня у славянских народов нет никакого защитника в России. Другое соотношение должно было бы, однако, наступить в России, если царизм будет уничтожен путем революции. После победоносной революции освобожденные русские и поляки стали бы источником мощной силы, которая охватила бы все славянские народы . . . , везде оживилось бы мощное народное движение славян.“³⁶

Приведенная цитата (Брно, „Rovnost“) является одним из свидетельств того, что чешское социал-демократическое движение все-таки обдумывало вопрос славянской взаимности. „Rovnost“ в приведенной статье пишет, что мы должны говорить о революции в России и желать ей победы „как с точки зрения Чехии, так и с точки зрения класа и социализма“.

В период 1905-ого—1907-ого гг. учились „русскому языку“ (т. е. выходили на улицы и подражали русским революционным рабочим) не только рабочие славянских народов, но и рабочие Германии, Венгрии и др. Представители революционных групп рабочего движения славянских народов несомненно знали об угнетении своих народов и сознавали их нужды. Они соединяли интересы своих революционных рабочих с интересами всего революционного движения в габсбургской монархии, думая при этом, что существование Австро-Венгрии (конечно в другом виде) необходимо для дальнейшего размаха рабочего движения и для дальнейшего повышения жизненного уровня трудящегося народа (в Чехии выступал за целостность Австрии, например, Б. Шмерал).

Отклик первой русской революции и созыв Славянского съезда также вынуждали социал-демократов заниматься „славянской идеей“. Об этом писал Ф. В. Крейчи в газете „Právo lidu“ (июль 1908-ого г.). Крейчи (а также Томашек и Гудец) хотя и относился к Крамаржу критически и обещал „рассматривать славянскую взаимность с классовою точки зрения как солидарность подавляемых и эксплуатируемых“, но в своих воззрениях на „славянское сближение“ он поддавался в многих отношениях влиянию буржуазных неославян. В противоположность этому Богумир Шмерал считал неославянскую идею явно буржуазной идеологией. Того же взгляда придерживались и польские социалисты. Болгарские „тесняки“ кроме того ставили вопрос о специфических задачах славянских народов (на своем съезде в Софии, 1910) и вообще народов восточной Европы и соединяли его с национальным вопросом вообще; они при этом правильно обращали

внимание на попытки колониальной эксплуатации юго-восточной и восточной Европы империалистическими державами. Социал-демократы всех народов (болгары — Благоев, Кирков, Коларов, сербы — Лапчевиц и Туцович, чех — Шмерал) подчеркивали, что сотрудничество пролетариата восточной Европы нельзя рассматривать с точки зрения отдельных племен и обособленно от целей мирового рабочего движения. Болгарские и сербские социал-демократы указывали тогда на возможность создания балканской республиканской федерации, которая, наверно, разрешила бы сложные и спорные вопросы между отдельными балканскими народами.³⁷

Как известно, Ленин согласился со стремлениями революционного движения социал-демократов балканских стран. Ленин знал лидеров балканских „тесняков“, знал Прагу и некоторое время жил даже в Польше, так что у него, несомненно, было ясное представление о положении славянских народов. Ленин верил в жизнеспособность и будущее последних. Он думал правильно, что также славяне вместе с другими порабощенными народами добьются равноправия и самостоятельности. Марксистское предвидение развития национально-освободительного движения порабощенных и малых народов восточной Европы и их пути к свободе на основе права на самоопределение (которое пропагандировали русские большевики до первой мировой войны) оказалось правильным.

Жаль, что эту историческую тенденцию (которой препятствовала Австро-Венгрия) не поняли лидеры социал-демократии в габсбургской монархии, которые не сумели отличить национальный шовинизм господствующих народов от национального движения угнетаемого народа. В Чехии правильно проводили демонстрации (в 1908-ом и, главным образом, в 1912-ом году) против вмешательства Австрии в балканские дела, но неправильно в социал-демократической печати осуждались „освободительные войны, которые также являются кровавыми“. Но все-таки осенью 1912-ого г. на многочисленных собраниях рабочих вступили в силу некоторые правильные лозунги. Особенно важным был тот факт, что стала видной связь между движением балканских и австрийских славян. Об этом в конце 1912-ого г. читаем в одной из социал-демократических газет: „Кандалы национального гнета падают в Турции, падут и в Австрии!“ В социал-демократической печати вместе с симпатиями к антитурецкой борьбе балканских народов звучали дружеские слова о славянских народах. Также и рабочие в 1912-ом г. присоединились к сербофильским и болгарофильским проявлениям, выливающимся иногда в уличные демонстрации, при которых время от времени звучал лозунг: „Долой Австрия!“

На кануне первой мировой империалистической войны антимонархистские настроения народных слоев приняли таким образом антиавстрийскую

направленность — в отличие от целей и практики официальной чешской политики и, к сожалению, также в отличие от воззрений лидеров рабочего движения в Чехии и в Австрии вообще.

* * *

Балканские войны в 1912-ом и 1913-ом гг. означали „канун“ первой мировой империалистической войны, которую Германия подготавливала лозунгами „обороны“ от „русского панславизма“, и которую затем кайзер Вильгельм II и канцлер Бетман охарактеризовали как „поединок германских и славянских наций“. В конце 1912-ого г. кайзер писал: Если мы будем вынуждены взяться за оружие в помощь Австрии, это не будет вызвано обороной только против России, но будет вызвано необходимостью дать Австрии возможность избавиться от славянской опасности и остаться немецкой. Дело касается, поэтому, борьбы германского племени против заважничавшихся славян, борьбы, которой нам не избежать. — Мы могли бы здесь процитировать и другие подобные изречения — кайзера, государственного секретаря, военных и политических лиц милитаристской Германии а также Австрии; все они оперировали лозунгами „славянской“ или „русской опасности“. В своих публикациях, например, наследный принц (Паул Лиман „Die Kronprinz-Gedanken über Deutschlands Zukunft“ — Мысли наследного принца о будущем Германии), генерал Бернарди „Deutschland und der nächste Krieg“ (Германия и ближайшая война), полковник Г. Фробени „Des deutschen Reiches Schicksalsstunde“ (Роковой час немецкой империи), паннемецкие идеологи П. Рорбах „Der deutsche Gedanke in der Welt“ (Немецкая идея в мире) и граф Ревентлов „Deutschlands auswärtige Politik“ (Внешняя политика Германии), касающихся вопроса будущей „Mitteleuropе“ и не скрывали агрессивных немецких стремлений против России и Франци.

Существовали, конечно, споры между немецкими империалистами — о тактике. В то время, как, так называемые пангерманцы, требовали захвата „восточных пространств“ и рассчитывали на миграцию частей народов захваченной территории, „либералы“ маскировали свои империалистические планы на „Mitteleuropе“ фразами о „повышении жизненного уровня“ для „освобожденных“ народов восточной и юго-восточной Европы. Хотя они и писали, что „Mitteleuropе“ будет что-то в роде сверхгосударственной организация, в которой восточные народы откажутся только от части своих прав на суверенитет, то в действительности думали о создании „Великой немецкой империи“, в которой чехов, словаков, словенцев, поляков, литовцев, эстонцев — на западе валлонов и часть французов ждала бы германизация (хорваты и сербы должны были остаться в подчинении венгров!).

Шовинистические безумцы (напр., Вихтель) в начале войны радовались, что война истребит славян.

Первым шагом к созданию немецкой „Mitteleurope“ и тем самым к овладению центральной и юго-восточной Европой должно было быть присоединение Австро-Венгрии — в любой ее форме — к Германии. Поэтому немецкий кайзер столь заботился до 1914-ого г. о подавлении „славянской волны“ в габсбургской монархии. „Die Slawen sind nicht zum Herrschen geboren, sondern zum Dienen. Dies muss ihnen beigebracht werden“ (Славянам не суждено владеть, а служить. Это они должны осознать — говорил Вильгельм австрийскому министру иностранных дел Берхтольду в октябре 1913-ого г. Наследнику своему — Франц Фердинанду — он затем в марте 1914-ого г. доказывал, что Австрия должна ориентироваться на Германию; с венгерским премьер-министром — графом Тиса — они договаривались о том, что венгры будут прочно стоять „mit dem Germanentum gegen die slawische Welle“ (с немцами против славянской волны).

Военные антиславянские изречения немецкого кайзера представляли собой в большинстве случаев проявление его хвастовства, которое сменялось у него более спокойными рассуждениями о необходимости обдуманных действий Австрии против Сербии (Вильгельм даже советовал уделять внимание сербофильству чехов). Жаждавшие войны венские круги даже были вынуждены послать в июне 1914-ого г. в Берлин знаменательный документ с положением на Балканском полуострове и об общем положении в Европе, чтобы, таким образом, „открыть глаза“ кайзеру. Венские дипломаты доказывали Берлину, что Россия не только намерена вытеснить Австрию с Балканского полуострова, но стремится даже сломить власть Германии в Европе, ибо в ней (Германии) видит основного противника своих „панславистских целей“.³⁸

Также в России вокруг двора существовала мощная партия, мечтающая о войне, которая приблизила бы желанную цель — Дарданеллы — и которая одновременно разрешила бы нарастающий революционный кризис. Русские дипломаты в 1912-ом г. отговаривали, однако, балканских славян от открытия войны против Турции и даже еще 1913-ом г. охлаждали антиавстрийские страсти в Сербии. Россия могла подготовиться к войне только к 1917-ому г. Царское правительство, само собой разумеется, использовало проявления симпатий к славянским народам как дома, так и за границей. Царь Николай II в апреле 1913-ого г. должен был даже сказать в присутствии английского посланника Буханана, что Австрия развалится и что, может быть, возникнет не только самостоятельное королевство венгерское, но также королевство чешское. Министр Сазанов затем в мае 1913-ого г. передавал в Белград, что сербская „обетованная земля“ лежит не в Македонии, а на территории Австро-Венгрии. Месяц спустя Николай посылает

личное послание королям Петру (в Белград) и Фердинанду (в Софию), где предостерегает их от „братоубийственной войны“, которая стала бы угрозой „делу славянства“. В Берлине в этом, конечно, видели доказательство „панславистской опасности“.

Как мы уже сказали, в России славянофилы усердно развешивали деятельность как раз в период 1912-ого—1913-ого гг. Но также настроение либеральной буржуазии носило тогда антинемецкий и антиавстрийский характер. Часть русских политических деятелей предостерегала, однако, от открытия войны против Австрии и Германии и, наоборот, доказывала необходимость сохранения мира с Германией. Еще в марте 1914-ого г. русский посланник в Царьграде — Гирс — предлагал немецкому посланнику заключить русско-немецкий договор (в Берлине от него, однако, отказались). Царь, может быть, действительно думал, что Австрия на пути краха (западные публицисты это доказывали уже с конца 19-ого в.), но не считал необходимым ускорять разложение габсбургской монархии нападением ее со стороны русских или подстрекательством Сербии на войну против Австрии. Официальная Россия ни до 1914-ого г., ни позже в течение войны не ставила себе никаких „панславистских целей“. Свидетельствует об этом также уклончивый ответ царя сербскому премьер-министру Пашичу, который в конце января 1914-ого г. явился сватать одну из дочерей Николая за сербского наследника: Пашич тогда уверял русского царя, что его дочь ждет на сербском троне славная судьба царицы объединенных южных славян. Совсем отрицательно отнеслось потом царское правительство к чешским предложениям (Шейнер, Клофач, Крамарж) сотрудничать с чехами в борьбе против Австрии и с помощью России отторгнуть и обособить Чехию. Предложения русского чеха Коничка (1910) создать „всеславянскую империю“ или совершенно серьезный набросок (1913) „Конституции Славянской империи доктора Карла Крамаржа“ (в славянской федерации власть находилась бы в руках России)³⁹ оставались только тайными планами отдельных лиц.

Россия, конечно, в начале первой мировой войны имела свои империалистические цели. Подробные данные об этом можно найти в опубликованных в 1917-ом г. советскими историками-марксистами документах, среди которых были и тайные акты царской и мировой дипломатии. Русская буржуазия хотела овладеть проливами вблизи Царьграда — но не намерена была уничтожить габсбургскую монархию и „освободить“ славянские земли. Манифест царя (август 1914-ого г.) хотя и говорил о симпатиях России к славянам, но ни словом не касался „освобождения“ австро-венгерских славян. Сотрудничество с Сербией не означало, что русское правительство принимает югославскую идею в той форме, в которой ее пропагандировали сербы. Первые совместные политические планы России с юж-

ными славянами в начале войны ставили себе целью создать православную Сербию, в то время как католики — хорваты и словенцы — должны были остаться в уменьшенной „Австрии“ (вместе с чехами; Галиция и жупы Закарпатской Украины должны были присоединиться к России). В России даже не заметили, что на основе лондонского договора (с Италией) в 1915-ом г. к Италии должна была перейти православная северная Далмация, в то время как Сербия должна была получить католическую южную Далмацию.

О чешских землях сначала думали (в России), что они останутся и впредь составной частью Австрии. Чешским землякам в России в начале войны позволяли выходить с демонстрацией на улицы и кричать лозунги „За победу славянства“, „Час славянства пробил“ и т. п.⁴⁰ Однако к меморандуму представителей чехословацких землячеств о будущей самостоятельности „чешского королевства“ во главе с Романовыми царь относился совсем равнодушно. Вообще русское правительство относилось к славянофильским стремлениям неприветливо. Кадеты попытались в 1915-ом г. издать журнал „Славянское объединение“, но вышло всего 6 выпусков. Лозунг этого журнала „Москва объединила Россию, Россия объединит славян!“ не встретил, вероятно, у двора никакого восхищения. В 1915-ом г. в Москве была издана книга слависта Й. К. Грота „Великая война и карпато-дунайская монархия“, в которой автор развивал старый идеал учения Ламанского о „греко-славянском мире“, составной частью которого могла бы стать также „новая Венгрия“, объединенная Румыния и объединенная Чехия с Словакией. Однако и эта книга не получила при дворе одобрения.

„Славянской идеей“ во время войны занимались также эсеры. В. Чернов вновь возвращается к своей теме „славянской идеи“ и в 1916-ом г. печатает в журнале „Российские записки“ статью „Марксизм и славянство“, в которой выступает против революционной программы большевиков.

Даже уже после ноября 1917-ого г. старый славянофил и мечтатель А. И. Череп-Спиридович в Петрограде а затем и в Москве издал несколько выпусков двухнедельника „Славия“ (подзаголовок — „Орган освобождения 200 миллионов славян“), в котором призывал к спасению России „путем всеславянской федерации“.

В Чехии верил в Россию, как мы уже сказали, главным образом Карел Крамарж, который о себе и о своих ближайших друзьях позже писал: „Когда русские были под Краковом, мы представляли свое будущее так: освобожденное чехословацкое государство будет самостоятельной составной частью великой славянской федерации, в которой ведущую роль займет Россия.“ Правду сказать, в Россию верили в Чехии и в Словакии „вообще“, как это подтверждают сообщения австро-венгерских властей о русофильских (и сербофильских) выступлениях в период 1914-ого—1918-ого гг.,⁴¹ процессы

против распространителей известных манифестов великого князя Николая, известные народные выражения в северной Моравии (осень 1914-ого г.) „Пеките гусей, придут русские!“ (Pečte husy, přijdou Rusi!).

Русофильские настроения народа заставляли также Масарика рассчитывать в своей деятельности в эмиграции (1915—1917) на Россию и на „славянскую идею“. В отличие от Крамаржа Масарик более полагался на Запад, так что его концепция „славянской политики“ (с точки зрения Чехии) была „более трезвой“. Он ознакомил с ней политических и культурных деятелей Запада в своем докладе, зачитанном в Сорбоне (Париж, февраль 1916-ого года), в котором также рассеивал их опасения по отношению к панславизму или панрусизму. Никакой панславизм не может появиться — объяснял тогда Масарик — так как славянские народы ведут взаимные многочисленные споры. Дело, в лучшем случае могло бы касаться только „культурной“ или „демократической федерации“ славянских народов, которые ищут помощи у русских, т. е. самого численного и сильного народа. Конечно, мы, остальные славяне, ищем, — продолжал Масарик, — эту помощь также у западных Союзников, которые должны были бы осознать пангерманскую опасность. — Свою конкретную программу „славянской политики“ Масарик представлял следующим образом: Против немецких стремлений к централизации Mitteleurope Союзники должны противопоставить все свои усилия, направив их на реорганизацию Польши (в рамках России; за это позже упрекали Масарика многие поляки, принадлежащие к разным политическим лагерям), на борьбу за независимость Чехии и на объединение южных славян. Далее Масарик обращал внимание своих слушателей на то, что: „Мы, славяне, знаем, что такое немецкий Drang nach Osten, мы хорошо знаем, что план Берлин—Багдад является новой формой старого антиславянского плана“.⁴²

Свои мысли об опасности пангерманизма и о „славянской политике“ Масарик объяснил в произведении „Nová Evropa“ (Новая Европа), которое выходило по частям в легионерском журнале „Československý deník“ (Советский Союз, 1918-ый г.) и затем было издано как рукопись на французском и английском языках с США (1918).⁴³ Масарик выступал здесь за самостоятельность Чехословакии, Польши, Югославии, предупреждал о возможности создания „славянского барьера“ и одновременно также и „романского барьера“ против пангерманизма — главным образом подчеркивал принадлежность чехов к Западу (повидимому в адрес „некоторых западных австрофилов“). Также буржуазные политики южных славян стали ориентироваться в то время на Запад после того как победа Октябрьской революции положила конец иллюзиям о помощи царской России, а с распадом габсбургской монархии и падением династии Гогенцоллернов исчезла потребность искать этой помощи у России.

К этой новой ориентировке в мировой политике охотно затем присоединилась также и отечественная буржуазия славянских народов в габсбургской монархии, но на всякий случай она ставила также и на австрийскую „карту“ (летом 1918-ого г.). Так же вела себя и чешская и словенская буржуазия (Шуштершич); польская буржуазия во время войны также возлагала надежды из габсбургскую монархию и на Германию. В. Г. Студницки предлагал тогда осуществить австро-венгро-польское государство в центральной Европе. А. Брюкнер (*Die Slawen und der Weltkrieg*, 1916; *Słowianie i wojna*, 1918) ожидал „справедливого решения“ для славянских народов — которое пришло бы от центральных держав! В Кракове уже в первые годы войны был издан целый ряд брошюр против „панславизма“ или против „русской опасности“ (Слубич, Фельдман, Кульчицки). В противоположность этому на территории захваченной царизмом раздалась опять некоторые голоса за „славянскую солидарность“ (А. Шеланговски). И как раз из кругов довоенной польской народной демократии на захваченной царизмом территории происходили те политики, которые в России или же на Западе согласились на сотрудничество с чешскими и сербскими деятелями в рамках антинемецкого и антиавстрийского фронта. Известный Роман Дмовски предлагал Масарику создание польско-чехословацкой федерации.⁴⁴

Сотрудничество развивалось, однако, главным образом между чехами и южными славянами, в то время как польская эмиграция в общем относилась к чехам и словакам сдержанно: уже во время войны встал между чешской и польской эмиграцией спорный вопрос — Тешинско! На „конгрессе подавляемых народов“ в Риме (апрель 1918-ого г.) обнаружилось разногласия в воззрениях на будущее положение и границы Польши и Чехословакии; эти разногласия были предвестником будущих споров между чешской и польской буржуазией, что касается гегемонии в центральной Европе. Обе стороны стремились приобрести расположение и поддержку Союзников, предлагая им свою помощь в осуществлении антисоветской политики и интервенции!

Чешско-польские отношения (буржуазные) до 1917-ого г. хотя и не были непосредственно враждебными, но все-таки — по крайней мере с точки зрения Польши были сдержанными. Краковский журнал „*Nowa reforma*“ еще в ноябре 1917-ого г. косвенно высмеивал заявление чешских политических деятелей (май 1917-ого г.) о чехословацком государстве. Начало 1918-ого г. все-таки означало определенный перелом. Намерение Германии присоединить западную часть Польского королевства к Пруссии и немецко-австрийская поддержка гетманских украинцев в Бресте Литовском — все это вынуждало также и польских буржуазных политических деятелей сблизиться с чехами и южными славянами. Также чешская декларация

(от 6-ого января 1918-ого г.) была принята краковской оппозиционной печатью положительно. Поляки затем приняли участие в **собрании славянских представителей в Праге и в Любляне**, течение которого — как это можно установить хотя из чешской печати — вызвало новые проявления славянской взаимности. И именно поляки удивили всех в Праге (май 1918-ого г.) на торжествах 50 годовщины во время заложения камня для здания Национального театра. Польские ораторы, возбужденные восторженным настроением народа на пражских торжествах, выдвинули лозунг „Славяне всех стран, соединимся!“

Национал-демократический журнал „Kultura Polska“ после окончания пражских торжеств выразил надежду, что между чехами, поляками и южными славянами „произойдет сближение, продиктованное общими интересами“. Поляки отнеслись с одобрением также и к славянской манифестации в Любляне (август 1918-ого г.). Так „Kultura Polska“ вновь писала о том, что „война толкает поляков на сближение с славянами, прежде всего австрийскими, так как у нас общие цели и общие враги“. С восторгом писал о торжествах в Любляне журнал польской партии Stronictwo ludowe „Piast“, который одновременно правильно обращал внимание на то, что из мировой войны выросла самая логичная и самая справедливая идея самоопределения народов, с которой „рука в руку идет и другая идея, громадного для нас значения: идея славянской взаимности“. „Piast“ присоединяет, что „эту идею мы долгое время презирали, принижали и сознательно отрицали“, но теперь она нашла почву в широких слоях польского народа“. Депутат этой партии — **В. Тетмайер** — на одном собрании в начале сентября 1918-ого г. сказал: „Польша, которая хочет и должна быть народной и демократической, видит в чехах и южных славянах союзников для борьбы за общую свободу и независимость“.

Эти взгляды поляков на славянскую взаимность вызвали в Чехии искреннюю радость, например, в статьях **Адольфа Черного**, который, правда, слишком поддался оптимистическому настроению и ждал разрешения „старых славянских споров“.⁴⁵

В действительности, так сказать, переговоры буржуазных славянских политических деятелей в Праге и в Любляне не дали никаких конкретных результатов. Вообще нельзя верить сообщению о возникновении „славянского революционного комитета“ (во главе с Карлом Крамаржем!), который, как говорят, был основан в мае 1918-ого г. в Праге с тем, чтобы „сосредоточить революционные действия всех австро-венгерских славян“.⁴⁶ В Праге и в Любляне говорили только о создании национальных славянских государств, не отрицая при этом окончательно возможности федеративного решения габсбургской монархии. Мы сегодня знаем, что распад

Австрии наступил гораздо раньше, чем предполагали славянские политики дома и в эмиграции.

Иронией судьбы (с точки зрения буржуазии) освобождение славянских народов действительно пришло из России — конечно из революционной России! Исполнились надежды наших рабочих-революционеров 80-ых и 90-ых гг. прошлого и 1905-ого—1907-ого гг. этого века. Русская революция освободила силу подавляемых славянских (и неславянских) народов. Сейчас же весной 1917-го г. говорили: Сделаем это как в России!

.Само собой разумеется, в этом случае речь не шла о „русофильстве“, а прежде всего о классовом сознании или самосознании. Но все-таки в многочисленных статьях и высказываниях сторонников социализма в период 1917-ого—1918-ого гг. звучала одновременно радость по поводу того, что социалистическую революцию совершил „братский“ русский народ. „Мы, чехи, должны были бы быть в восторге от того, что именно великий славянский народ сказал первое великое слово за мир и его первый великий подвиг способствует миру!“⁴⁷ В социалистической печати в период 1917-ого—1918-ого гг. можно несколько раз читать — о благодарности „русским революционерам“ за их пропаганду того, что каждый народ имеет право на самоопределение, которое нашло, конечно не случайно, самый большой отклик как раз у славянских народов!

ЗАМЕЧАНИЯ

- ¹ Občan 21., 24., 28. 10. 1875.
- ² J. Chlebowczyk, Hlavní problémy a etapy česko-polských vztahů v Těšínském Slezsku, Slezský sborník 1960/4, 542.
- ³ A. Fischel, Panslavismus bis zum Weltkriege, 475—476.
- ⁴ Н. И. Кравцов, Русско-югославские литературные связи. Общественно-политические и культурные связи между народами СССР и Югославии, стр. 255.
- ⁵ V. Šťastný, Polemika o rusko-polském sporu r. 1891, Slovanské historické studie V.
- ⁶ Kolejka, Cyrilometodějská tradice v druhé polovině 19. století (Velká Morava, Praha 1963).
- ⁷ E. Winter, Russland und das Papstum (Berlin 1961), II.
- ⁸ Sborník Velehradský, II (1881), 276. — Словацкий мессианизм, заметный уже в произведениях некоторых авторов 18 в., во второй половине 19 в. с точки зрения политической линии дошел вплоть до фатального (и консервативного) русофильства (Штур, Вааянский, Гвездослав) и с точки зрения религиозной линии до униатского движения.
- ⁹ Moravská Slovač (Uherské Hradiště).
- ¹⁰ Casopis českého studentstva 1891, 190. — Дальнейший „общеславянский съезд“ созвали студенты в 1908 г. (О его течении сообщает журнал Naše doba 1908, 725.) Студенты высказываются здесь против неославизма Крамаржа, но поддаются одновременно некоторым романтическим идеям „общеславянского союза“, который должен был быть (по мнению студентов) основан во всех странах в качестве подготовки для объединения славян.

- ¹¹ Слова Масарика на страницах газеты *Čas* в дискуссии о русско-польских отношениях (1891), хотя и были направлены против восхищения младочехов царской Россией, одновременно выражали лояльный австрославизм. В 1899 г. Масарик вновь писал против царофильства Крамаржа (*Naše doba*): „Только заветное желание внушает нам бессмысленную иллюзию, якобы Россия хотела и могла приложить для нас все свои силы...“ Масарик опять повторял свой взгляд о том, что „против опасного соседа (т. е. Германии) лучше всего может защитить нас сильная наша империя (Австрия)“. (Т. Syllaba, *T. G. Masaryk a revoluce v Rusku*, Praha 1958, 29, 33, 35.)
- ¹² Интересные признания чешских иллюзий о России опубликовала газета *Lidové noviny* в начале 1905 г. в статье „*Rusko před revolucí*“. Здесь можно читать: „Мы верили в красивую сказку о России. О великой, славной славянской империи, которая добьется господства над миром, о белом орле славянства, когти которого прекратят продвижение вражеской расы, под крыльями которого спасти себя должны были даже самые малые славянские народы от интриг и злодейских планов полных ненависти соседей... В это мы верили и каждый успех России был успехом нашим и каждую ее боль мы чувствовали как свою собственную... Разгорелась война в восточной Азии и мы устраивали мессы за победу русского оружия. Мы увлеклись русским народом и имели в виду царя с бюрократической олигархией... В России приближается революция... Мы, голы и десятилетия ложно информированные и успокоенные в сладких иллюзиях и политических фантазиях, с удивлением протираем глаза. — *Lidové noviny* 10. 1. 1905, № 7.
- ¹³ M. K u d ě l k a, *Význam slovanské myšlenky pro národní obrození ve Slezsku*; A. Szklarska, *Slovanská idea ve Slezsku v 19. století* (*Slezský sborník* 1960/4, 478, 492—493). — B. Gawin, Józef Chociszewski — *průřez ideí spoluprácy narodów słowiańskich* (*Przeгляд Zachodni* 1963/2, 260—266).
- ¹⁴ Сообщение Эрентала, тогда еще работника венской миссии в Петрограде публикует Beneš, *Úvahy o slovanství* — В приведенном сообщении от 1891 г. далее говорится, что „центр панславизма“ надо искать внутри Австро-Венгрии.
- ¹⁵ Петроградские „Славянские известия“ поместили (декабрь 1889 г.) карту славянских народов. В „славянском море“ в которое включались также часть Бессарабии и устье Дуная, только немецкая Австрия, этническая Венгрия и Румыния явились „проблемами“ (Fischel, str. 435).
- ¹⁶ На страх славянских народов перед немецкой экспансией обращает внимание также Кон (стр. 211). — В России (1905) писал о немецком *Дранг нах Остен* публицист В. Святковский. В Брне (1906) вышел в свет перевод брошюры Д. Н. Вергуна (закарпатский украинец) с названием *Německý Drang nach Osten v číslících a skutcích*. — Вергун верил, что в России проведет себя „общеславянская программа“ с противонемецкими: целями. Славянство де является одним целым и его задача — освобождение человечества от феодализма и капитализма! Если бы, однако, в России должна была быть установлена демократическая республика, Россия не могла бы бороться против Германии!
- ¹⁷ Fischel, 453, 511.
- ¹⁵ *Lidové noviny* 8. 2. 1903 „*Poslanec Stránský o Rakousku a o pangenmanismu*“ — „Та же газета доказывала на 2 недели позже в статье „*K našemu politickému postupu*“, что народ чешский может только в рамках Австрии добиться спокойного развития и что никакая другая организация европейской обстановки не может быть столь полезной, как сохранение австрийского государства.“ (*Lidové noviny* 17. 2. 1903.)
- ¹⁹ V. Švihovský, *Slovanské sjezdy* (*Naše doba* 1909, 24—32).
- ²⁰ Весной 1908 г. было в Москве основано Общество славянской культуры (председателем избран Чудовский), целью которого было стремление к славянской взаимности в новом

- духе — несмотря на церковь и государство, с учетом самобытности каждого славянского народа. Славянской идеей считали, в особенности, стремление к взаимному обмену культурным прогрессом отдельных славянских народов.
- ²¹ Дмовски в том же году издал книгу „Niemy, Rosya i kwestya polska“, в которой доказывал значение Польши для России как вала против Пруссии. Полякам в свою очередь советовал отказаться в политике от ягеллонской (восточной) концепции и вернуться к пиястовской западной концепции внешней политики.
- ²² Смотри Świat Słowiański 1907, 2, 69—91. — Настоящие общеславянские энтузиасты (приблизительно в духе чехословацкого Адольфа Черного с колларовским романтизмом), которые, однако, в польской обстановке были редким явлением (например, Бронислав Грабовски), считались „безрассудными“. (А. Černý, Slovanský proud u Poláků, sborník Slovanstvo za války, стр. 204.) Против Дмовского выступали Пильсудски и другие с тезисом: использовать Германию и Австро-Венгрию против России.
- ²³ K. Herman, Novoslovanství a česká buržoazie. (Kapitoly z dějin čs.-ruských vztahů, Praha 1958, 235—312.)
- ²⁴ Fischel, стр. 540. — И это, де, не осталось без влияния на возникновение войны!
- ²⁵ Beneš, Úvahy o slovanství, 170.
- ²⁶ Beneš, Úvahy o slovanství, 189.
- ²⁷ D. Šlajsová, Ohlas první balkánské války 1912—1913 v českém prostředí (Slovanské historické studie I); M. Paulová, Balkánské války 1912—1913 a český lid. (Rozpravy ČSAV, Společenské vědy, 1963/4.)
- ²⁸ J. Šusta, Světová politika v letech 1871—1914, VI, 163.
- ²⁹ J. Slavík, Sobota 1937, 810.
- ³⁰ I. Golub, Ruské tiskové orgány, Slovanský přehled 1937, 37. — В противоположность этому В. М. Бехтерев отказывался в сборнике Славянский вопрос о современном значении (также 1913) от какого-то славянского общества на расовой или же религиозной основе. Он признавал только „культурно-психологические доводы“, которые дают право взаимной поддержки самобытности славянских народов. — Также Л. Лаврин в том же сборнике отказывался от мечтаний о политическом объединении славян, так как исторические традиции славянских народов различны; можно думать только о культурном сотрудничестве. — Приведенные авторы выступали против реакционных славянофилов Башмакова и др.).
- ³¹ И. Д. Очак, Из истории русско-сербских революционных связей в 80 гг., сборник Общественно-политические связи, стр. 107.
- ^{31a} Borejsza, 164.
- ³² См. замечание № 63 в главе I.
- ³³ V. Šťastný, K otázce rusofilství českého dělnického hnutí v posledních desetiletích 19. století. (Slovanská štúdie, Bratislava, II.)
- ³⁴ Rovnost 26. 8. 1903, № 102.
- ³⁵ Rovnost 30. 9. 1903, № 117. („Proti carovi.“)
- ³⁶ Rovnost 24. 2. 1904, № 24. (Český národ a Rusko.)
- ³⁷ К. Шарова, Карл Маркс и Фридрих Энгелс за развитияго на южните Славяни, Исторически преглед 1949—1950. — V. Srugar, Socijalna demokratija o nacionalnom pitanju jugoslovenskih naroda, Beograd 1956.
- ³⁸ Šusta, Světová politika, VI, 184, 240, 384.
- ³⁹ V. Sís, Život a dílo dra K. Kramáře, 164. — J. Soukenka, Karel Kramář, 1914—1918. — K. Witt, Die Teschener Frage, Berlin 1935. — Витт приводит проект Крамаржа в качестве доказательства „панславистской опасности“.
- ⁴⁰ Za svobodu. Obrázková kronika čs. revolučního hnutí na Rusi (Praha b. d.), I, 15, 17 až

18. — Царские власти злоупотребляли русофильским увлечением многочисленных славянских пленных и посылали их выполнять очень тяжелую работу, полагаясь на то, что славяне — это „более надежный элемент“ чем немцы, австрийцы, венгры.

⁴¹ Souhrnná hlášení presidia pražského místodržitelství o protistátní, protirakouské o protiválečné činnosti v Čechách 1915—1918. (Подготовила Л. Отагалова, введение написал Ю. Кржижек, Прага 1957.) Из моравских материалов мы цитируем донесение (август 1914 г.) о транзите военных транспортов через так называемую Северную железную дорогу (Вена—Острава—Галич): „Военные поезда с немецкими солдатами показывают совсем другую картину, чем отношения с чешскими солдатами, на вагонах которых надписи ‚Слава детям Праги!‘ — ‚Не пойдём!‘ Нигде ни одного слова против Сербии или же России.“ (J. Kolečka, сборник „Dělnické hnutí na Ostravsku“, Ostrava 1957, 282.)

⁴² Новая перепечатка публикации Svět a Slované, Praha 1919. — В Париже тогда (февраль 1916) держали доклады также Эйсмэн о славянской солидарности, Дени о будущем славян, Гауман, далее поляк Дмовски, серб Цвиич, чех Бенеш и др. — Масарик был готов — как об этом можно узнать из его статьи в русском журнале Русская воля (4 января 1917 г.) — признать также персональную унию Чехии (чешского государства) с Россией и хотел „во всяком случае оставить за Россией инициативу при решении всех славянских вопросов“. — Добавим, что подобным образом думали многие чехи и некоторые словаки в России. Таким настроениям поддавался, например, также Я. Гашек (Jar. Křížek, Našek v revolučním Rusku, Praha 1961, 82—85.)

⁴³ T. G. Masaryk, Nová Evropa (Stanovisko slovanské), Praha 1920.

⁴⁴ Подробно о чехословацко-польских отношениях во время первой мировой войны пишет Jar. Valenta, Čs.-polské vztahy a Těšinské Slezsko, Ostrava 1961.

⁴⁵ Статьи А. Черного, написанные во время войны, были изданы в сборнике Slovanstvo za války. Под конец войны писали в Чехии о „задачах славянства“ также Пата и Бидло.

⁴⁶ Sís, Život a dílo dra K. Kramáře, 166.

⁴⁷ Dělnický deník (Brno) 12. 5. 1917.